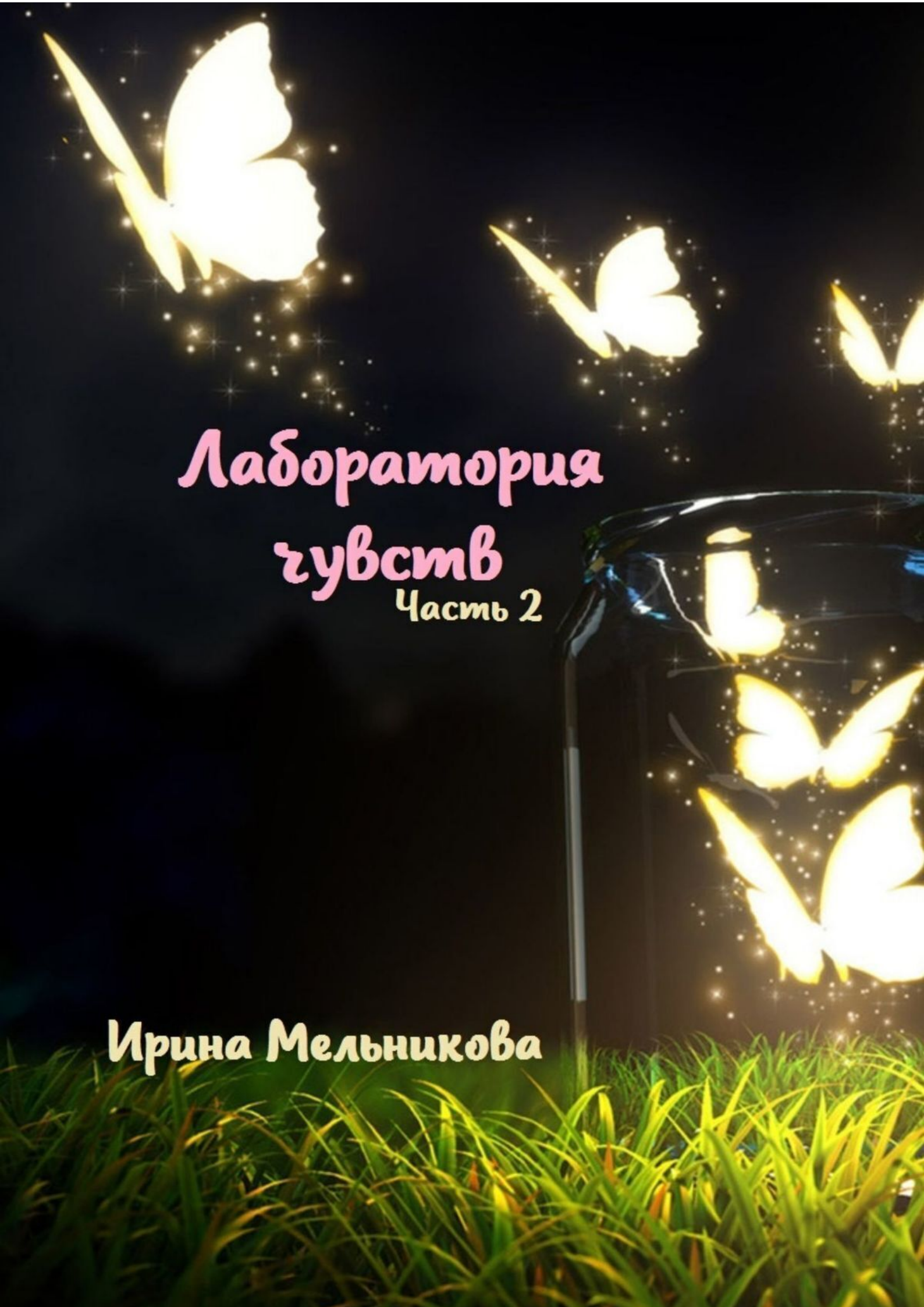

Лаборатория чувств

Часть 2

Ирина Мельникова

Ирина Мельникова

Лаборатория чувств. Часть 2

«Издательские решения»

Мельникова И.

Лаборатория чувств. Часть 2 / И. Мельникова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-567805-8

Шоу окончено, но впереди финалистов проекта ждет совместный тур по городам и общение с поклонниками, а значит, «Лаборатория чувств» продолжает работу.Смогут ли Антон и Маша найти общий язык после произошедшего? И как находиться почти круглосуточно рядом с тем, кого любишь и ненавидишь одновременно?История продолжается…

ISBN 978-5-00-567805-8

© Мельникова И.
© Издательские решения

Содержание

Лаборатория чувств 6
Глава 1 6
Глава 2 10
Глава 3 14
Глава 4 16
Глава 5 20
Глава 6 23
Глава 7 26
Глава 8 30
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Лаборатория чувств
Часть 2

Ирина Мельникова

© Ирина Мельникова, 2022

ISBN 978-5-0056-7805-8 (т. 2)
ISBN 978-5-0055-1474-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лаборатория чувств
Часть 2

Глава 1

Мы никогда не знаем, зачем и почему попадаем в определённые ситуации и становимся участниками каких-то событий. Но это только поначалу. Когда проходит время, всё становится на свои места. Успокаиваешься ты, утихает ветер событий, и потихоньку начинаешь понимать, для чего всё было и почему именно так сложилось. Но чем ближе стоишь, тем хуже видна общая картина – лишь отдельные элементы, которые кажутся или чрезмерными, несуразными или невероятными и прекрасными, поскольку подпитываются нашими мечтами и фантазиями, и этот блеск и роскошь распространяются на весь объект.

Мне казалось, что я уже достаточно взрослая для того, чтобы не верить в сказки и не обманываться. Казалось, что достаточно осторожна, чтобы не попасть впросак или позволить кому-то сделать мне больно.

Я ошиблась. И теперь за эту ошибку мне придётся горько расплачиваться.

Я совсем не так представляла себе этот день – день своей свадьбы. Мои мечты, конечно, менялись с возрастом, но я точно никогда не хотела огромного количества гостей и внимания, поцелуев напоказ и по требованию неугомонных гостей. В идеале (вы не поверите!) – просто вдвоём расписаться, погулять где-нибудь за городом (в красивом белом платье – это непременный атрибут) втроём – с фотографом, а вечером остаться наедине с мужем, выпить шампанского, помечтать, посмеяться, и рвануть утром куда-нибудь в путешествие на недельку-другую. Не обязательно в жаркий райский уголок у моря, я готова была и на горный поход, и в дождливый, но любимый мной Питер. Главное – вместе. Чтобы никто из обыденной жизни нас не беспокоил. Чтобы эта неделя была только наша. Чтобы мы запомнили её на всю жизнь и загадали желание: повторять нечто подобное каждый год в годовщину.

Но всё вышло иначе. Вышло как вышло. Я и не осознавала до конца всю реальность происходящего до тех пор, пока меня не вернули с небес на землю. Чудес не бывает. Если сердце с первого взгляда ощущало подвох в Антоне, нужно было прислушаться и не раскисать как сметана на солнце. А ещё думала, я не такая. Такая. Дура. Другого слова не подберёшь.

Не щадя роскошной юбки, с хрустом сажусь на диван и устало откидываюсь на спинку, закрывая глаза. Вот и всё. Шоу закончилось. Мы больше не находимся под вниманием объективов и миллиона зрителей двадцать четыре часа в сутки. И я больше не буду вынуждена терпеть Антона рядом с собой каждый день.

Но внутри меня отнюдь не радость. Почему?

Наверное, потому, что этот проект вытянул из меня все силы.

Едва закрываю глаза, как финальная сцена снова возникает в моей памяти. На вопрос регистратора я чётко и уверенно говорю «нет». Слышу, как по залу прокатывается удивлённое «а-ах!», но продолжаю смотреть на него. Его взгляд в эту секунду словно потух. Неужели надеялся? После того, что я узнала – за пятнадцать минут до финала шоу?

Вот именно! Шоу – основное предназначение этого проекта, поэтому и удивляться здесь нечему. Мы отлично повеселили публику, но переносить балаган в свою жизнь я не намерена. Хватило двух месяцев.

Регистратор замолкает. И в этой тишине я чувствую себя виноватой. Не знаю, куда деваться, а потому, спустя пару мгновений, хватаю руками юбку с обеих сторон и ухожу. Неспеша, стараясь сделать это с достоинством, но чувствую на себе взгляды.

Я выдержала. Это всё уже не имеет значения. Мне не нужно ни денег, ни славы. Больше всего я хотела любви. Только поняла это поздно. Когда меня обманули и предали.

Побыть в гримёрке одной долго не удаётся. Дверь отворяется с глухим стуком, но, к своему облегчению, я вижу Олю.

– Что у тебя произошло? – спрашивает она, усаживаясь рядом.

Спокойно, без жалости – за это и люблю свою подругу. Она умеет держать эмоции, а меня мгновенно развозит.

– Я не знаю как жить. Просто не знаю, – в отчаянии закрываю лицо руками и шумно выдыхаю в ладони. – Я разрушила старый мир, но так и не создала новый, и сейчас чувствую себя каким-то лишним элементом.

– Эту дурь ты, пожалуйста, выброси. Никакой ты не лишний элемент, просто запуталась. Это нелегко, я понимаю. Но теперь всё закончится, и ты спокойно, трезво сможешь всё взвесить.

– Ничего не изменится. Я не погорячилась.

И я рассказываю о том, что узнала буквально перед церемонией: что дядя Антона – продюсер проекта, парень сам захотел меня в пару «для интереса» и, наверное, рейтинги тоже были накручены, иначе бы мы не дошли до финала.

– В общем, любовью здесь даже не пахло, – резюмирую я.

– А если он изменил своё отношение к тебе во время проекта? Ты же сумела, – резонно заявляет подруга, но я тут же отметаю эту мысль, не подпуская близко к сердцу, чтобы не сделать больнее.

Победители объявлены. Последний день в особняке, осталось лишь собрать вещи.

– Кто выиграл? – спрашиваю устало.

– Таня и Петя. Единственные, кто сказал «да».

– Я за них рада, – выдыхаю совсем без эмоций и поднимаюсь.

Нельзя скрываться здесь вечно.

– Я уже хочу, чтобы поскорее наступило завтра, и я наконец уеду из этого дома. И забуду всю эту историю.

– Ты должна поговорить с ним, – заявляет Оля.

– Не буду, – тут же встаю в позу я, готовясь в любую минуту вступить в атаку.

– Уверена?

Киваю. Сил говорить нет.

Подруга достаёт телефон и набирает кого-то. Потом объясняет:

– Пытаюсь дозвониться до своего Сергея Витальевича. А то он остался там с твоей мамой, несчастный.

– Ну спасибо, – хмыкаю я, впрочем, вполне добродушно.

Она отправляет мне воздушный поцелуй, а потом непонимающе смотрит на экран телефона, словно пытаясь понять, почему мобильная связь никак не может соединить двух абонентов.

– Ну где он, в каком сарае?

Так этот шикарный особняк ещё никто не оскорблял.

Наконец ей отвечают. Подруга сообщает, что будет через пять, максимум десять минут, и просит ждать её у входа в дом, чтобы не потеряться. Потом убирает телефон, смотрит на меня и вздыхает:

– Ну что?

– Что? – переспрашиваю, не пряча грусти.

Она без слов пересаживается ближе и обнимает меня. Жутко хочется плакать, но я стараюсь держаться. Не сейчас, не нужно расстраивать близких.

«Сметана ты или человек с силой воли? Не кисни», – говорю я себе, стараясь переключиться на что-нибудь другое, чтобы унять эмоции. Принимаюсь считать количество ламп на гримёрном зеркале – сначала по-русски, потом по-английски, по возрастанию и убыванию.

– Всё будет хорошо, – уверяет подруга.

– Но это не точно, – хмыкаю я.

– Точно. Мы и не из таких любовей выбирались.

Это правда. Первый раз мне, что ли, рыдать из-за парня? Да и не из-за парня это. Просто устала. Просто чувствую себя сегодня разбитой. Ничего не хочу. Свернуться клубочком на кровати, укрыться пледом и смотреть в стену, пока не усну.

Просто хотелось прожить красиво… Без ошибок, разочарований, «не тех» людей на пути. У других не получается, а я смогу – так ведь всегда думаешь. А потом и сам оказываешься в числе этих «других».

Разжимаю объятия и сплетаю ладони на коленях, яростно, до боли сжимая пальцы. Всё пройдёт. Нужно чуть больше времени. Накопилось. Ничего страшного.

– Ты *завтра* приедешь? – интересуется Оля.

О том, что покинуть дом мы сможем лишь на следующий день после финала, нас предупредили заранее, поэтому я киваю. Это сущая малость. Подожду.

– Тогда до встречи, – улыбается она.

Видно, что старается меня приободрить, а сама переживает не меньше.

Мы обнимаемся ещё раз, и я провожаю подругу лишь до порога. Не хочу идти в гущу событий, хочу укрыться скорее от всего мира.

Это мне удаётся. Я собираю вещи, включив на максимум звук в телефоне и напялив наушники. Это напрочь забивает мысли, которые роятся в голове и так и норовят выскочить, окружить и затянуть ещё глубже в болото уныния.

Я не поддамся. Отдохну пару дней дома и вернусь на работу. А может быть, начну что-то другое. Или пошлю свои данные в разные продюсерские центры… Хотя хочу ли я быть актрисой? Уже сомневаюсь. Двух месяцев хватило, чтобы понять: это совсем не то, что я себе представляла.

Ложусь спать я в одиночестве – судя по звукам, на съёмочной площадке организовали прощальную вечеринку. Один раз за мной заходит кто-то из девчонок, но я лежу, отвернувшись к стене и закрыв глаза, так что, помешкав у порога, незваный гость решает не трогать меня и уходит.

Возвращение Тани я не застала, поскольку к этому времени уже проваливаюсь в сон. Просыпаюсь посреди ночи от звуков грозы, ворочаюсь с боку на бок, вспоминаю сны, которые не дают мозгу отдохнуть. Наконец окунаюсь в какое-то полузабытьё, но всё равно периодически просыпаюсь, чувствуя дикую головную боль, но не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой, не говоря уж о том, чтобы поискать в сумке таблетку.

Дождь утихает только к утру. Всё вокруг уже несколько недель изнывало от зноя, и наконец – долгожданная влага. Правда, теперь природа решила компенсировать осадки за все прошедшие дни. Я понимаю это, добравшись до окна и выглянув наружу. Лужи такие, что вокруг сухого места не видно. Словно дороги в мир нам отрезаны. Но я сбегу отсюда, чего бы мне это не стоило. Чемодан уже собран. Нужно бы попрощаться с Таней, но она спит, а я больше не в силах здесь оставаться. Оставляю записку с номером телефона. Пишу о том, что рада была делить с ней комнату и искренне желаю ей счастья, а если будет желание – мы всегда сможем созвониться или увидеться.

В последний раз оглядываю свою комнату и выхожу. Несколько десятков шагов – и я буду на свободе.

Но выбраться незамеченной, увы, не удаётся. Путь лежит через кухню, а там с жестяной банкой пива за барной стойкой сидит мой партнёр. Проскользнуть мимо не представляется возможным.

Я застываю. Надо бы что-то сказать, но что?

Он смотрит на меня чуть исподлобья, взгляд тяжёлый, безрадостный.

– С освобождением! – поднимает вверх свой напиток, словно желая чокнуться, потом делает затяжной глоток.

– Пьёшь с утра? – совершенно обезличенным тоном говорю я.

Чужие люди. Абсолютно чужие.

Он оставляет моё замечание без внимания.

– Думала, больше меня не увидишь?

Молчу. Сказать нечего.

– Ну вот и всё, – хмыкает он, покручивая банку в руках и глядя на свои пальцы. Я тоже наблюдаю за его действиями, пытаясь собрать мысли в кучу. – Свобода. И тебе больше не надо терпеть моё общество.

На губах появляется некое подобие болезненной улыбки. Терпеть не могу его игры.

Я ведь знала, что он мне не подходит. Именно таких увлечений я старалась избегать всю жизнь. И вот – нарвалась.

Я поднимаю чемодан и делаю шаг к двери, решая, что уйти по-английски всё-таки лучший вариант из возможных.

– Последний вопрос, – доносится вслед, и я замираю. – Так ты меня любишь или нет?

– Нет, – отвечаю, не раздумывая и не поворачиваясь.

Пару секунд стоит тишина, а потом едкие слова летят в спину.

– И я тебя нет. Ну и отлично. На телике попиарились, нервишки друг другу пощекотали. Я, конечно, пари проиграл, но отец будет знать, чего стоит его сын. И ты теперь актрисой великой будешь. Всё ж хорошо? Удачи, Платонова! Не звезди там, на олимпе, когда до «Оскара» доберёшься.

Мне хочется вернуться и со всего размаха влепить ему пощёчину. Хочется сказать что-нибудь такое, чтоб он замолчал, рассердился, перестал, наконец, гримасничать… Но я молчу. Ухожу быстрым шагом, не оглядываясь.

Дверь открыта. Охранники вежливо кивают головой на прощание.

На секунду я застываю на пороге, но вовсе не потому, что мечтаю вернуться. Воды вокруг столько, что впору брать надувную лодку. Или разуваться и идти босиком – всё равно воды выше щиколотки. Я выбираю иной вариант – просто иду вперёд, словно луж нет. Вызываю такси и мнусь у забора, надеясь, что машина не заставит себя долго ждать.

Нервно оглядываюсь пару раз, опасаясь, что кто-то или что-то ещё задержит меня здесь. Но этого не случается. В полумраке серого августовского дня сажусь в такси, нервно дёргаю ремень безопасности, вжимаюсь в кресло под напряжённым взглядом водителя и наконец выдыхаю, когда автомобиль трогается с места, и ненавистный дом вместе с его участниками и организаторами скрывается из вида.

Всё. Свобода. Никогда его больше не встречу. Никогда больше не стану участницей телепроекта. И в кино не пойду. Наигралась.

Глава 2

Первые дни я практически не выхожу из дома. Мне просто страшно столкнуться с повышенным вниманием, расспросами соседей, косыми взглядами, любопытными и неделикатными людьми. Лишь однажды выбираюсь в ближайший супермаркет, нацепив солнцезащитные очки, но всё проходит без приключений. Разумеется, любой взгляд в свой адрес я расцениваю как «пристальное внимание», но потом понимаю, что это просто мания величия. Никому нет до меня дела. Каждый живёт в своём мире. И с чего я взяла, что все вокруг непременно должны смотреть это шоу?

Вместе с тем мне звонят с работы, интересуются, вернулась ли и когда выйду из отпуска без содержания. Говорят так ласково и с придыханием, что понимаю: теперь я для них лакомый кусочек – каждому гостю будут хвалиться, что у них работает «телезвезда».

Первой мыслью было – послать всех куда подальше и сказать, что увольняюсь. Но здравый смысл возобладал над эмоциями, ведь работать где-то всё равно нужно, бытовые потребности и коммунальные платежи никто не отменял, поэтому сдержанно прошу ещё неделю на «акклиматизацию», но провожу это время, если честно, весьма бестолково: весь день в пижаме, слушаю музыку, стараюсь не поддаваться воспоминаниям, смотрю кино, много читаю и сплю до обеда.

А в пятницу, поборовшись с собой, всё же сажусь с сестрой и мамой у телевизора, чтобы увидеть финал проекта. Всё-таки интересно посмотреть на себя со стороны. Возможно, когда-нибудь я решусь посмотреть и всё шоу, но не сейчас, когда раны ещё свежи, а эмоции обострены до предела.

Перед тем, как каждая пара выходит на красную дорожку, ведущую к свадебной арке, показывают небольшую, на две-три минуты, историю от момента знакомства до последней недели на проекте, включая самые яркие эпизоды.

Я вижу, как безжалостно говорит «нет» Эля и фыркает Миллионер. Ни для кого не сюрприз, что они безразличны друг к другу, гости лишь поджимают губы и выдыхают. Участники обнимаются, словно хорошие приятели, даже делают совместные дурашливые фото на фоне свадебных декораций.

Вторые – Диана и Марк. У неё красивое платье по фигуре, весьма сексуальное. Выглядит впечатляюще, хотя я бы такое никогда не надела, но с формами Мадонны и не такое можно себе позволить. Она перед тем, как сказать «нет» произносит короткую проникновенную речь о том, что этот проект много ей дал, и партнёр стал хорошим товарищем, но этого мало, чтобы сказать «да» прямо сейчас. Они тоже расстаются на хорошей ноте – не обнимаются, конечно, но парень протягивает ей руку, помогая спуститься, и провожает до дверей. Сам остаётся с родными. Печальных лиц в зале не наблюдается.

Дальше моё сердце начинает биться стремительнее. Я знаю, что будет, а зрители – ещё нет. Ещё пять минут – и меня возненавидит вся женская зрительская аудитория, ведь «как можно отказать такому парню как Антон»? Но у каждого своя история, которая существует не только снаружи, но и внутри.

Я подтягиваю колени к груди и обхватываю их руками. Стараюсь не выдать своего напряжения, но внутри меня прямо колотит. Каждый кадр я переживаю с особенной остротой – это не просто фильм, это моя жизнь. Настоящая. То, что я прожила и чему совсем было поверила.

Вижу, как волнуется Антон, ожидая моего появления. Поправляет причёску, затем бабочку, одёргивает пиджак, машет маме, смотрит на часы, выдыхает, стараясь привести дыхание в норму.

Начинает играть торжественная музыка, и он выпрямляется, вытягиваясь в струну. Я даже не помню, что играло в тот момент – в таком подавленном была состоянии. Теперь слышу. Мелодия незнакомая, но очень красивая, нежная. Это могла быть идеальная история о любви…

Я иду и по моему лицу уже видно, что не всё в порядке. Можно, конечно, списать на нервы и неуверенность, но я-то знаю, в чём дело, и что будет дальше.

Лишь почувствовав боль, понимаю, как сильно впилась ногтями в кожу рук. Нужно расслабиться. Всё уже случилось, ничего не изменишь, да и не хочется.

Регистратор спрашивает моё решение. Я молчу две секунды и говорю: «Нет». Камера выхватывает реакцию присутствующих гостей: как вздохнула моя мама, обеспокоенно покачивая головой, как прижала ладонь к губам мама Антона, как удивлённо взметнулись вверх брови его друзей… Неужели мы и впрямь напоминали со стороны идеальную пару?

Потом я вижу крупным кадром лицо Антона. На нём не читается ничего. Он даже слегка кивает, словно поддерживая и уважая моё решение – этого я уже не помню. Не помню, а может, не видела, поскольку уходила в этот момент прочь.

Пожалуй, наше расставание – самое драматичное. Мы были яркой и непредсказуемой парой. Только хэппи энда у этой истории не получилось.

Дальше я вижу, как Антон спускается в зал, садится на свободное место в первом ряду и хватается руками за голову. Прекрасный актёр, хочется крикнуть «браво!». Несчастный влюблённый, покинутый неблагодарной и своенравной невестой.

Я невольно фыркаю.

– А ты не думаешь, что всё это правда, и ты ему нравишься? – спрашивает сестра с укоризной.

– Не думаю, – отвечаю довольно резко.

Я рассказала им с мамой правду, которую узнала за пятнадцать минут до того, как выйти к «жениху» в финальный раз. И всё равно они защищают его!

Больше мы эту тему не поднимаем.

Показывают последнюю пару – Таня и Пётр.

У неё очень красивое платье – лёгкое, воздушное, со струящимися рукавами чуть ниже локтя, с небольшим количеством кружева на корсете, с чуть расширяющейся от бёдер юбкой цвета топлёного молока… И смотреть на неё саму – одно удовольствие. В ней нет того чувства безразличия к происходящему, которое демонстрировали две первые пары, нет страха в глазах. Есть волнение – сильное, но лишь потому, что ей хочется, чтобы всё прошло идеально.

Когда она говорит «да» и протягивает руку, чтобы Пётр надел ей кольцо, на крупном плане видно, как дрожат её пальцы. Жених тоже переживает, но лучше справляется со своими эмоциями. Хорошо, что их пара последняя. Из-за этого после просмотра шоу остаётся приятное послевкусие несмотря ни на что.

Когда выпуск заканчивается философскими словами о любви от ведущих, об эксперименте и о том, что «любовь может ждать тебя где угодно», я усмехаюсь и сразу же ухожу. Не хочу никаких расспросов и комментариев.

У меня остаётся два дня на то, чтобы собрать себя по частям и начать жить обычной жизнью. Нужно скорее влиться в ритм, почувствовать «колею», иначе можно сойти с ума. Поэтому понедельник я встречаю с двоякими чувствами: с одной стороны, скорее хочется забыть об участии в шоу, и сделать это можно как раз нагрузив себя чем-то, с другой – я понимаю, что как минимум неделю меня ждут вопросы и многозначительные взгляды, да и сама работа не вызывает особенного желания за неё браться… И мечту быть актрисой я потеряла… Что дал мне этот проект? Лишь всё разрушил.

Однако утром я собираюсь с особенным рвением, даже рисую стрелки, чего никогда на работу не делала – нужно же появиться «телезвездой». И пусть в душе буря, зато «фасад» должен быть отменным.

Я уже почти выхожу за порог, понимая, что нахожусь на грани опоздания и придётся сейчас припустить галопом, когда телефон подаёт признаки жизни, привлекая к себе внимание.

Ругаясь вслух, обвиняя во всех своих бедах того, кто так не вовремя решил о себе напомнить, достаю аппарат из сумки и бросаю взгляд на экран. Сердце подскакивает и резко ухает вниз.

Это, действительно, человек, косвенно связанный с моими бедами, которые начались с момента подачи заявки на шоу… или встречи с Антоном… или после того, как я стала ему доверять.

– Алло, – отвечаю, сразу забывая про спешку и прислоняясь спиной к дверному косяку, чтобы как-то собраться с мыслями и силами.

– Мария, здравствуйте! Это менеджер проекта «Лаборатория чувств» вас беспокоит. Можете уделить минутку?

– Да, – отвечаю напряжённо, понимая, что ничего хорошего мне этот разговор не сулит.

– У нас с организаторами шоу была идея снять продолжение, а после того, как мы получили рейтинги финальной серии… Такого успеха не было очень давно. А, если честно, никогда не было. И есть предложение снять тот же каст, тех же участников, в туре по городам. Всех финалистов проекта – четыре пары – до Нового года будут встречать в разных точках страны. Это будет общение со зрителями, автограф-сессия, всё это оплачивается и будет транслироваться по пятницам в выпусках шоу.

– А если я откажусь? – осторожно интересуюсь, вежливо выслушав её вдохновлённую речь.

– К сожалению, в таком случае нам придётся взыскать с Вас неустойку. В договоре участников есть пункт: «Организатор оставляет за собой право продлить действие контракта на срок до одного года. В случае отказа участник обязан заплатить штраф».

Этот пункт я хорошо помню, поскольку ту часть договора, где говорится о штрафах, изучила почти досконально. Но мне казалось, что распространяется это исключительно на само шоу. Мол, если не уложимся со съёмками до середины августа, проект продлят на неделю-другую. А оно вон как – нас теперь могут сколько угодно эксплуатировать! А захочешь свободы – плати.

– Оплата хорошая, Вы не переживайте, – по-своему толкует моё молчание менеджер. – За каждый город.

– И как долго всё это будет длиться?

– С третьего сентября до Нового года.

Вот оно как, значит, всё уже давно распланировано.

«Прекрасно!» – думаю с ужасом, но вслух говорю совсем другое:

– А чего от нас ждут? Я имею в виду, ведь мы с моим партнёром не стали парой…

«Да ещё и разошлись, поругавшись в пух и прах», – добавляю мысленно.

– Вам не придётся ничего играть. Это будут просто гастроли. Вашим поклонникам вы можете рассказывать о смешных случаях, о своих переживаниях, даже что-то, не связанное с проектом. Они этого очень ждут. К тому же Ваша пара с Антоном на протяжении всего шоу была одной из самых любимых у зрителей, – добавляет она «вишенку на торте».

– Я могу подумать?

– Конечно, – мгновенно соглашается менеджер, но тут же добавляет: – Только до пятницы желательно подписать дополнение к договору – об оплате. Третье сентября уже через двенадцать дней.

Я выдыхаю и вежливо прощаюсь.

«Думаешь, у тебя есть выбор? – язвительно шепчет мне внутренний голос. – Ну конечно!»

Я сбегаю вниз по ступенькам, не дожидаясь лифта. По дороге вспоминаю, закрыла ли дверь. Мысли сейчас далеко отсюда.

Но, стоит выскочить из подъезда, как я натыкаюсь ещё на один сюрприз. У домофона, пытаясь, видимо, вспомнить номер квартиры, стоит мой отец.

Глава 3

За секунду в голове проносится вихрь мыслей. Просто убежать? Высказать ему всё, что накопилось в душе? Позволить ему высказаться? Ни одно из решений не кажется мне стопроцентно верным, поэтому я так и остаюсь стоять на пороге, слушая писк домофона.

– Здравствуй, дочь, – произносит почти незнакомый мужчина.

Не говорю ни слова. Даже не знаю, как к нему обращаться. На «ты»? На «вы»? Это давно уже чужой мне человек, о чьей жизни я мало что знаю. Что-то помню из детства, пыталась найти его в социальных сетях, когда была в подростковом возрасте, а потом просто выросла. Мне то было обидно, то всё равно. Иногда даже жалко его – того, кто променял мою маму и двух дочерей на другую женщину, а в итоге оказался ненужным и одиноким на старости лет.

Наше молчаливое противостояние «глаза в глаза» длится около десяти секунд. Он не выдерживает первым.

– У тебя есть время поговорить?

– Я опаздываю на работу.

– Давай я тебя провожу?

– Не надо, – заявляю безапелляционно.

Не до него мне сейчас. Разгрести бы то, что и так навалилось. Умеет же он выбирать моменты, чтобы заявить о своём существовании!

– Маша, я бы очень хотел с тобой пообщаться. И с Юлей… Но она сказала, что ты вряд ли захочешь после того, как я пришёл на шоу.

– Ты что, общаешься с Юлей?

Новость о том, что моя младшая сестра уже встречалась с отцом и ничего не сказала об этом, больно колет. А я-то думала, у нас с ней доверие.

– Не обижайся, но Юлька более покладистая и спокойная, она поняла меня.

– Ну конечно! – усмехаюсь в ответ. – У неё, в отличие от меня, об отце совсем нет никаких воспоминаний. Ей интересно, что это за субстанция такая – у всех есть, у нас нет. А я знаю, какой у нас папочка. Как заставлял себя ждать и не приходил. Дарил подарки, а потом отбирал. Заявлялся пьяный. А потом променял жену на любовницу. Так что меня, увы, обмануть не получится, я в твою святую простоту не поверю.

– Ну зачем ты так, Маша…

– Давай по пунктам, – раз уж я всё равно опоздала, да и в связи с продолжением шоу вряд ли теперь вернусь на работу до Нового года, захлопываю за собой дверь подъезда и скрещиваю на груди руки. – Где ты был почти двадцать лет?

Он опускает голову.

– Согласен, это было свинство. Я был молод, горяч и совсем не думал, что делаю вам с Юлькой больно. Мне казалось, вы маленькие и ещё не понимаете, а когда вырастете – я всё объясню.

– А мама, значит, не в счёт? Ты не думал о том, что и ей делал больно?

– Я знаю, я и у неё прощения попросил.

– Попросил прощения… Как будто это так просто – словно ластиком стёр всё плохое одним только словом. Знаешь, ты был очень нужен *тогда:* когда мы росли, когда мне требовался мужской совет, поддержка отца, тот, кто будет встречать с продлёнки, с кем можно станцевать родительский вальс на выпускном, кто поможет принять решение о поступлении в институт. А сейчас я выросла. И научилась жить без тебя. Без отца. У меня его нет.

– Не говори так… Я очень хочу наверстать!

– Уже поздно. Ты ведь знаешь, отец не тот, кто предоставил свой биоматериал, а кто вырастил. Это первое. И второе: если ты так страстно хотел пообщаться, почему не сделал это

до шоу? Почему явился на проект, выставив меня дурой и эгоисткой? Ты именно так обо мне и узнал? Через экран?

Меня душит злость, я стараюсь держаться, но понимаю: получается плохо.

– Нет, не так. Я не смотрел это шоу. Я полгода ходил сюда, к вашему дому. А потом меня разыскали эти ваши… администратор или кто там… менеджер. Описали всё красиво, что это будет триумфальное воссоединение семьи в прямом эфире. Я дурак, что поверил. Но мне почему-то казалось, что ты будешь рада.

«Действительно, дурак», – думаю я, глядя на него.

И тут злость отступает. Вместо неё приходит жалость.

Я смотрю на этого полноватого мужичка чуть ниже меня, чуть полысевшего, поседевшего, в обтянутом сером свитере и штанах размера на два больше, чем нужно, и понимаю, что ни в одной моей клеточке ничего в ответ не отзывается. Я его не люблю. И не смогу ничего с собой сделать.

– Извини, – медленно выдыхаю, больше не глядя на него. – Я должна идти. Ты можешь общаться с Юлей, если она на это готова, но меня, пожалуйста, не беспокой. Однажды ты сделал свой выбор, оставив семью. Теперь я тоже имею право на выбор. И я надеюсь, что ты будешь уважать это мнение взрослого человека и не станешь меня преследовать.

В любой другой ситуации я бы гордилась собственной выдержкой, но сейчас шла, не видя дороги, продолжая вести мысленный монолог, то обвиняя отца, то ругая. Иногда ругая себя и пытаясь хоть что-то внутри раскопать, только тщетно. Так, может, не стоит себя тормошить?

На работу я явилась с почти часовым опозданием. Уже не спешила, не нервничала из-за того, что автобус ушёл из-под носа, просто ждала следующий.

– Ну что, Платонова, ты у нас теперь звезда, можешь позволить себе позже начальства явиться? – вместо приветствия фыркает мне в лицо руководитель.

Я смотрю на неё без эмоций. Да что со мной? Я словно пустая внутри, совсем ничего не осталось.

– Я уволиться пришла. Извините.

Её лицо мгновенно вытягивается.

– Да ладно тебе горячиться. Прощаю на первый раз.

– Я серьёзно.

– Что, всё-таки отвалили вам денег? – выдаёт она свою версию. – Или наше скромное заведение теперь стало тесным и не по статусу для такой дивы?

– Эмма Григорьевна, нам предложили продолжение съёмок. Даже не предложили, а обязали. Поэтому давайте я просто уволюсь.

– И надолго?

– До Нового года как минимум.

– Что ж… Мы подождём, если надо, – тянет она нерешительно.

Наверняка у неё уже были свои пиар-планы с моим участием. Но всё же лучше придержать журавля в рукаве, чем отпускать на волю.

– Я не готова. Можно одолжить у вас лист бумаги и ручку?

Через минуту мне швыряют просимое и больше не удостаивают ни словом, ни взглядом. А я выхожу из салона и ощущаю свободу. Пусть она и условная, и через неделю я снова буду в ловушке… снова буду с Антоном.

Но это не страшно. Я продержалась уже два месяца, потерплю ещё немного. А там уж мы разбежимся навсегда, и наши пути вряд ли ещё когда-то пересекутся.

Глава 4

Едва открыв дверь своим ключом, я сразу понимаю, что в квартире кто-то есть. Заглядываю в комнату и вижу Юлю. Она в наушниках, стоит спиной ко мне и пританцовывает.

Я подхожу и трогаю её за плечо, отчего она вздрагивает, а потом хватается рукой за сердце и с облегчением выдыхает.

– С ума сошла так пугать! – обвиняет, стягивая наушники.

– Надо поговорить, – довольно жёстко говорю я.

Мне не хочется переносить на неё свою злость от того, насколько глубоко неопределённость проникла в мою жизнь, но я ничего не могу с собой сделать.

– Ну давай, – соглашается она, глядя на меня с подозрением и плюхаясь на кровать.

Затем постукивает ладонью рядом, приглашая присоединиться.

– Что случилось?

Я думаю, с какой из новостей начать, и выдаю самое безобидное, на мой взгляд.

– Я уволилась.

– Наконец-то, – неожиданно поддерживает она.

– Но у меня появилась другая работа.

– Какая?

Медленно выдыхаю, стараясь собраться с силами.

– Меня позвали в проект. Планируют продолжение, где участники будут гастролировать по городам, встречаться с поклонниками… Не знаю, что там ещё в программе.

– Антон будет? – интересуется она с невинным лицом, хотя видно, что её распирает от любопытства.

– Не знаю. Но, скорее всего…

Я не заканчиваю фразу. Мы обе знаем ответ.

– Ты этого хочешь? – задаёт она тот самый вопрос, который я и сама задавала себе сегодня уже не раз.

Я могу оттянуть время и уточнить: хочу чего именно? Снова вернуться в проект? Увидеть Антона?

Самое страшное, что я не знаю ответ. Или знаю… Но боюсь себе в этом признаться.

– Послушай, – не дождавшись ответа, моя не по годам мудрая младшая сестра поворачивает моё лицо к себе, заставляя взглянуть в глаза и сосредоточиться. – Забудь ты об этом. Об этих переживаниях. Что было, то было. Просто получи удовольствие. Ты встретишь своих подруг, увидишь разные города, познакомишься с новыми людьми. Сосредоточься на этом, а там будь что будет. Жизнь даёт тебе такой шанс!

И в этот момент я окончательно убеждаюсь в том, что всё верно. Что у любой медали есть две стороны, и на какую из них лицезреть – выбирать только нам. Я хочу видеть хорошее.

– Спасибо, – шепчу почти беззвучно.

– Ты у меня замечательная. Я горжусь тобой, – заявляет она.

И от дурного настроения не остаётся следа.

Но потом я вдруг вспоминаю ещё кое-что…

– Знаешь, кого я сегодня видела?

– Есть несколько вариантов, – красноречиво поднимая глаза к потолку, прищуривается она.

– Отца, – выдаю я, сразу же сбивая игривый настрой.

Она нервно сглатывает. А я смотрю на неё и жду реакции.

– И?

– Как давно вы общаетесь? – иду я в атаку.

– Маша, я… Я ему говорила, что это плохая идея.

– Плохая идея – что?

– Идти на проект.

– Значит, ты знала?

– Он появился прямо перед этим.

– И ничего не сказала!

– Он сам хотел с тобой встретиться! Я не хотела мешать.

– И вы общаетесь уже… сколько?

– С тех пор и общаемся.

– И как? Любимый папочка осыпает подарками?

– При чём здесь подарки?

– Неужели любовь проснулась? Мне интересно, какие у вас сейчас, спустя столько лет, могут быть общие интересы?

– А какие могут быть интересы, когда ты в двадцать пять или тридцать семь лет встречаешь нового друга? Разве имеет значение, было ли у вас общее прошлое? Вы строите отношения с этой минуты, из этой точки. Так же и здесь.

– Нет, не так же! – кричу я, но тут же стараюсь сама себя укротить. – Он должен был проявлять себя в нашем детстве. А сейчас, когда дети выросли – конечно, чего уж проще! Приходи, общайся, получай удовольствие – никаких проблем!

– Ты слишком категорична, – качает головой Юлька.

– А ты у нас дипломат. Мать Тереза, которая всех встречает с распростёртыми объятиями.

– Не хочешь общаться – это твой выбор. Как видишь, я никак не давлю. Но и свой выбор я тоже сделала.

Она права. Я злюсь, потому что она простила, а я не могу. Потому что у неё нет этих дурацких воспоминаний, связанных с болью, потерей, разрывом. У неё чистый лист, а я всё ещё живу в том времени, словно можно что-то вернуть и исправить. И так во всём. И с отцом, и с Антоном. Нужно научиться жить в этой точке. Здесь и сейчас. Радоваться.

Хорошо, что я это понимаю.

Плохо, что пока не знаю, как именно этого достичь.

– Ладно, прости, – выдыхаю с раскаянием, открывая объятия, и Юля тут же безоговорочно тянется ко мне, а после целует в щёку и вновь убеждает в том, что я самая лучшая и достигну всего, о чём пока ещё только мечтаю.

Мне бы такой же уверенности.

Однако делать всё равно нечего, и в четверг я отправляюсь в Москву, чтобы подписать дополнительное соглашение к контракту. Увидев гонорар, чувствую, как ухнуло сердце. Сумма внушительная.

– Это всем парам столько положено? – интересуюсь с самым равнодушным видом, который только могу изобразить.

– Нет, но вы были в лидерах, у вас с Антоном цифры одни из самых высоких, – не поднимая головы от бумаг заявляет менеджер.

«У вас с Антоном»… Значит, он тоже будет.

Я выдыхаю и, не задумываясь больше, ставлю свой росчерк в нескольких местах, где это необходимо.

Мне объясняют, когда и где нужно собраться, что с собой взять. А вот добиться конкретного плана на ближайшие несколько месяцев я не могу. Кроме того, что мы будем переезжать из города в город практически каждый день.

– Графики ещё составляются, все мероприятия в стадии обсуждения.

– А съёмки будут? Или только общение с публикой?

– Обязательно. По пятницам будут выходить «гастрольные дневники» и пары снова будут встречаться в передвижной студии, обсуждать разные темы. Сейчас как раз всё это готовится. Это одна из фишек проекта. Но сроки сжатые, сами понимаете – пока никакой конкретики. Может быть, только продюсеры знают – мне не докладывали.

«Отлично», – думаю я с неодобрением, но эмоций не выдаю и лишь коротко улыбаюсь на прощание.

«У тебя хотя бы будет достойная оплата. И интересное путешествие», – утешаю себя.

Что есть, то есть, этого не отнять. Приключения я находить умею.

Или это они находят меня?

***

Третье сентября – это вторник. Жара стоит, словно на дворе июль. Именно в этот день мы начинаем вторую часть проекта, и уже у места сбора нас ждут камеры.

Встречаемся мы в кафе, которое специально арендовали в разгар рабочего дня, чтобы не создавать ажиотаж среди прохожих.

Я машу рукой в объектив оператора у дверей, хватаюсь за металлическую ручку, тяну на себя и через миг оказываюсь внутри, в приятном помещении с мягким светом и желанной прохладой. Здесь уже есть несколько человек. Подсаживаюсь к Тане и Петру, которые так и не сняли своих помолвочных колец и по секрету мне заявляют, что после завершения проекта планируют расписаться на самом деле.

– Проверим за эти четыре месяца, насколько крепки наши отношения, – смеётся Таня, не отводя глаз от любимого человека, и мне радостно на них смотреть.

Жаль, что на проекте сложилась лишь одна пара.

– А сколько нас всего будет? – уточняю у ребят, но они пожимают плечами: никто не знает.

Вместе с нами здесь Гурам, а, значит, появится и его партнёрша Ксюша, а ещё Марк и Егор. Получается, как минимум пять пар здесь собрали.

Потом появляется Ясинецкая. Вплывает в роскошных белых узких брюках и открытой тунике голубовато-зелёного цвета. Её босоножки на умопомрачительной шпильке притягивают взгляд к стройным ногам. Да и то, как она несёт себя, приковывает внимание и заставляет восторженно замирать. Умеют же люди себя подавать!

Она словно мимолётом машет рукой нашему краю и идёт к компании ребят. Кто бы сомневался.

Я натыкаюсь взглядом на одну из камер в углу и тут же опускаю взгляд. Так и не привыкла к их присутствию.

Петя и Таня, не замечая ничего вокруг, мило воркуют, а я вдруг ощущаю так остро накрывшее меня одиночество, что хочу сбежать… Мне страшно одной под этими камерами, с чужими, по сути, людьми, да ещё и ехать куда-то придётся…

В этот миг, неожиданно для себя, я взываю к Антону, чтобы он появился скорее. Но как только он показывается на пороге, тут же возвращаю лицу надменный вид. Это происходит само собой, непроизвольно.

Мы лишь на миг пересекаемся взглядами, а потом я делаю вид, что рассматриваю названия бутылок в баре.

Он идёт к нам – я это чувствую. Протягивает руку Пете, они обмениваются парой ничего не значащих фраз. А затем я слышу в свой адрес:

– Привет.

И заставляю себя поднять взгляд.

Но как же это невыносимо сложно! Когда хочется оттолкнуть от себя и прижаться к груди одновременно.

Я скучала. Никогда не признаюсь ему, конечно, но сейчас, находясь так близко, понимаю, что боялась и ждала этого одновременно. Ждала нашей встречи. Ждала возможности снова увидеть его. И делать вид, что шутки его совсем не смешные. И сам он не так уж хорош собой.

– Привет, – говорю, едва размыкая губы.

– Вот и свиделись, – хмыкает он.

И снова в груди возникает то самое чувство от его шуток, когда хочется укрыться в защитный кокон и закричать: «Что ты делаешь?»

Но мы продолжаем играть. Сильная и независимая – это моё кредо.

– Ребята, и почему вы не сошлись? Были бы идеальной парой! – выдаёт Пётр, оглядывая нас по очереди.

– Да, мы были бы идеальной парой, – подтверждает Антон, не сводя с меня глаз. – Если бы не она.

– Что? – вскидываю взгляд и готовлюсь вступить в атаку, но не успеваю.

Дверь кафе открывается, и внутрь с шумом вваливаются Эля и Ксюша, а следом – несколько человек из административного состава.

– Ещё поболтаем, – подмигивает мне Антон и перекочёвывает к другому столику.

Что, мы снова возвращаемся к самому началу? Не уверена, что хочу этого. Или… Хочу, но с другим финалом?

Возможности пофилософствовать нет. Мы видим ведущих – Кирилла и Ольгу. Она перекрасилась в пепельную блондинку, нарастила волосы и теперь выглядит на пару лет моложе, хотя и непривычно.

Нас всех немного припудривают, а вот переодевать не стали – по задумке организаторов всё должно быть максимально естественно.

– Мотор! – звучит команда, и я набираю в лёгкие побольше воздуха, как перед прыжком с вышки.

Что ж, шоу начинается снова…

Глава 5

– Никто не знает, как возникает любовь между мужчиной и женщиной, откуда она приходит и что приносит с собой… Но однажды она приходит. Я не имею в виду флирт, когда прикидываются, будто немного влюблены, на какое-то время. Здесь каждый знает, что он не принимает эту игру всерьёз, что сможет обойтись без своего партнёра. Это чувство далеко от любви. А вот когда приходит то самое, настоящее, человек теряет возможность управлять своей жизнью единолично, но обретает крылья. А эта награда несравнимо слаще, – как всегда с возвышенных фраз начинается наше шоу.

Участников успели рассадить полукругом, правда, не парами, а как получилось. Я оказалась зажата между Гурамом и Егором и – о, нет! – напротив Антона. Так что, встречая время от времени его взгляд и стараясь, чтобы это случалось как можно реже, чувствую себя не в своей тарелке.

– Прошло совсем немного времени с того момента, как наши участники сделали свой выбор. И мы снова собрали их вместе – ваши любимые пары – чтобы отправиться в тур по городам, лично увидеть всех фанатов и поклонников «Лаборатории чувств» и, кто знает, возможно, дать второй шанс некоторым героям.

Чувствую на себе взгляд Антона, но строго смотрю на ведущих, не отвлекаясь. Он снова решил испытывать меня на прочность? Прекрати уже, Гранников. Твои чары не бесконечны.

После нам демонстрируют кадры из первой части проекта, и я чувствую, как невольно сжимается моё сердце, когда вижу наши с Антоном счастливые лица.

А что если он всё-таки не притворялся? Если мы оба чувствовали тогда что-то по-настоящему? Например, на крыше – события и разговор, о котором никто не знает. Или внизу, недалеко от аппаратной, после встречи с отцом…

Я машу головой и вижу, что это не остаётся незамеченным. Он опять на меня смотрит.

Нет. Даже если что-то и было, мы просто увлеклись, поверили в этот спектакль… Впрочем, ближайшие месяцы точно расставят всё по местам.

Затем ведущие по очереди опрашивают нас, выпытывая мысли по поводу финала, пытаясь узнать, как мы отнеслись к новости о продолжении шоу.

Что удивительно, мало кто врёт. Большинство присутствующих говорят о неоднозначных впечатлениях по поводу предстоящего тура, но выбора у нас нет. Интересно, это вырежут из эфира?

Довольны, похоже, только Таня и Пётр, для которых быть вместе круглые сутки, путешествовать, да ещё и получать за это деньги, не считая миллиона, который им уже выпал – невероятное везение.

– Когда я шла на проект, я не верила, что здесь можно влюбиться, но это так. И не важно, телевизионное это шоу или нет. Любовь разбивает стереотипы и застаёт в самых неожиданных местах и состояниях, – говорит моя экс-соседка по комнате.

После ведущие объявляют на камеру, что нас ждут гастроли длиной в три с половиной месяца, мол, ждите в своём городе. И на этой позитивной ноте съёмки первого выпуска завершаются.

Нам ещё в течение получаса рассказывают о перспективах. Заполняем документы для страховки, получаем ключи от номеров, где должны провести сегодняшнюю ночь (даже те, у кого есть жильё в столице – чтобы утром нас не пришлось разыскивать по всему городу), а уже на завтра назначен выезд в первую точку – город Тверь. К каждой паре (а парами нас по-прежнему считают по первому проекту) приставляют персонального менеджера, который будет ездить с нами и обязан находиться на связи с участниками круглосуточно, чтобы решать проблемы в случае их возникновения. У нас это миловидная брюнетка невысокого роста Олеся,

которая протягивает мне, затем Антону руку для приветствия, говорит банальные фразы о том, что очень рада и смотрела шоу с большим удовольствием. Я вежливо улыбаюсь, хотя не могу ответить тем же. Что-то меня напрягает. И я знаю, что: то, как Антон смотрит на неё – снова открыл свой набор очаровательных улыбок. Очередная охота стартует?

В завершение нам говорят, что мы можем повеселиться перед поездкой – для нас гостеприимно распахнёт свои двери один из столичных клубов. А чемоданы доставят в отель прямо сейчас без нашего присутствия.

Участники встречают эту новость восторженным гулом, и лишь одному Миллионеру приходит в голову поинтересоваться:

– А камеры там будут?

– Ну, не без этого, – усмехается в ответ один из кураторов проекта, пряча лукавый взгляд за очками.

От этого, конечно, мы не в восторге, но от идеи покутить перед длительным путешествием, которое может обернуться как необычным приключением, так и пыткой, никто не отказывается.

Таня машет мне рукой, призывая отправиться вместе с ней и её избранником, и я с благодарностью и облегчением принимаю это предложение. Краем глаза замечаю как провожает меня взглядом мой бывший партнёр, но тут же сомневаюсь: не показалось ли? Поскольку уже через пару минут он живо общается с прикреплённым к нам менеджером, а та смеётся в ответ, легко поддаваясь ореолу его очарования.

Чувствуя нарастающую внутри злость, я стараюсь выбросить Антона из головы, но получается плохо.

По дороге в клуб мы попадаем в пробку. Таня и Петя дурачатся рядом со мной на заднем сиденье такси, с нами ещё и их менеджер Андрей, который не создаёт никакого шума и ведёт себя так, как и должен, на мой взгляд, нормальный менеджер. Он просто контролирует ситуацию и готов проявиться, если его позовут.

В клубе становится легче. Никогда бы не подумала, что скажу так, но люди вокруг в приподнятом настроении, всполохи света, ритмичная музыка – всё способствует тому, чтобы получать удовольствие от момента. И я решаю этим воспользоваться. Просто почувствовать себя счастливой. А что мне мешает?

Заказываю слабоалкогольный коктейль, медленно потягиваю его через соломинку, а после отправляюсь на танцпол. К сожалению, моей подруге и её парню уже нет до меня никакого дела – приходится делать вид, что мне хорошо самой с собой.

Заметив сальный взгляд неприятного типа, аккуратно отхожу всё дальше и дальше, но с тем же упорством он оказывается всё ближе и ближе, бросая неоднозначные взгляды. Наконец решаю переместиться за барную стойку и перевести дух. Но и тут меня ждёт неудача.

Едва заняв одно из свободных мест, замечаю рядом Антона. И надо же мне было нацелиться именно сюда!

Он сидит, уперев в стол локти и уткнувшись в сплетённые пальцы рук носом. С закрытыми глазами. Как будто очень устал. На пару секунд я замираю, мешкая, как поступить. Может, тихо уйти? Или привлечь к себе внимание, создав дополнительный шум?

Но в этот момент он открывает глаза и поворачивается, как будто почувствовал моё присутствие.

– Привет, – говорит тихо.

Я почти не слышу его голоса, но улавливаю смысл по губам.

Ничего не отвечаю и отворачиваюсь к бармену, который стоит к нам спиной. Антон поступает так же, и мы просто молчим.

– Вот вы где! – слышу я над ухом, и между нами тут же вклинивается наш менеджер.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза.

Она закидывает руки нам на плечи, слегка обнимая, и шутливо предупреждает:

– Много не пейте! Я за вас отвечаю.

Я фыркаю, но это остаётся незамеченным. Пока Олеся заказывает себе напиток, высвобождаюсь из «объятий», чуть поворачиваюсь на стуле и разглядываю её. Если приглядеться, девица кажется года на два нас моложе, но тонна косметики на лице позволяет не замечать эту разницу. Одета модно, хотя, на мой взгляд, слишком вычурно. Я бы скорее умерла, чем так вырядилась. Какие-то немыслимые бусы из бабушкиного сундука… Хотя, говорят, мода циклична и, возможно, я что-то упустила в трендах.

Да и цвет волос у неё, похоже, не натуральный.

Эта Олеся мне абсолютно не нравится. Даже ревновать к такой глупо. Но всё же… Скорей бы она убралась отсюда.

И тут, словно назло, включают медляк. Антон поворачивается к нам в полоборота и смотрит сперва на меня, потом на неё, опять на меня. Я вижу, как у Олеси удивлённо ползёт вверх бровь.

– Оцениваю свои шансы, – усмехаясь, поясняет парень и протягивает руку ей.

Та медлит секунду, словно не верит, а потом согласно вкладывает свою ладонь. Оборачивается на меня, то ли мысленно извиняясь, то ли оценивая реакцию. Он не смотрит. Уходят недалеко, я их вижу, но отворачиваюсь и чувствую, что закипаю сильнее. Пора завязывать с этим. Как сказала бы Оля: «Shit happens[1]. Осознай и иди дальше».

Я иду. Ухожу из клуба, вставляю наушники, включаю любимую музыку и нахожу в гугл-карте отель, где нам предстоит ночевать. Пешком почти час. Осилю. Мне нужно выбить всю дурь из себя, и прогулка по ночной столице – лучшее средство из тех, что я знаю.

[1] Дерьмо случается (англ.)

Глава 6

Когда я добираюсь до отеля, кажется, что уже наступила глубокая ночь, хотя ещё нет и двенадцати. Осень стремительно набирает обороты, хорошая погода скоро уступит холодам, и на подходе к месту ночёвки я начинаю замерзать. К счастью, мне остаётся лишь преодолеть внутренний двор с парковкой. Я открываю сумочку, чтобы достать магнитный ключ – двор закрыт, это частная территория отеля, – но никак не могу его отыскать. Он был в кошельке, а кошелек… пропал. Он не такой маленький, чтобы его не заметить, тем более когда перебираешь вещи одну за другой в седьмой раз. И мною всё сильнее овладевает паника.

Где он мог выпасть? Я же точно забрала его из кафе, когда нам раздавали ключи, потому что после оплачивала свой напиток в клубе. Может быть, куда-то ещё положила?

Пытаюсь восстановить в памяти все события и даже крошечные моменты, связанные с пропавшим предметом, но понимаю, что кошелёк вместе с ключом точно был в сумке.

И вдруг понимаю – не сразу, вспышкой, а постепенно, не веря до конца в то, что это может быть правдой… Понимаю, что парень, который притирался ко мне на танцполе, вдруг неожиданно испарился. Вряд ли его испугал тот факт, что я села за барную стойку. Антон сидел обособленно, мы не сразу стали… скажем, общаться. Получается… у меня кошелек попросту вытащили? После того, как я оплатила напиток и небрежно сунула его обратно…

Я хватаюсь за голову и поднимаю глаза к небу, чтобы не разрыдаться. Спокойно. Много денег там не было, я не такая дура, чтобы носить с собой всю сумму, приготовленную на первое время наших приключений со съёмочной группой. А карту всегда ношу в чехле с телефоном. Да, там было около тысячи. Да, обидно и жалко. Но пугало меня сейчас больше другое – как попасть в отель?

Сделав несколько вдохов и выдохов, я понимаю, что варианта два. У нас же есть менеджер, которая должна решать вопросы – вот пусть и работает.

Я набираю номер Олеси, слушаю гудки… и больше ничего не происходит. Она попросту не отвечает. Ну конечно! У неё, поди, сейчас поинтереснее есть занятие.

Следом набираю Таню, надеясь, что за то время, пока я добиралась сюда пешком, они с Петей уже вернулись. Но едва подруга и бывшая соседка по комнате отвечает, я слышу громкие звуки музыки и понимаю, что мне сегодня не везёт по-крупному.

Выдыхаю, стараясь не злиться (не на неё, конечно, а на иронию судьбы, которая сегодня решила пошутить надо мной), и в трёх словах обрисовываю ситуацию. Некоторые фразы приходится повторять дважды – из-за громких бас*о*в Таня не слышит. Наконец музыка становится тише, и я понимаю, что ей удалось найти укромное место.

– Сейчас мы возьмём такси и приедем, – ничуть не колеблясь, заявляет она.

– Не надо! – тут же спешно иду на попятную.

Портить кому-то праздник, тем более Тане, в мои планы совсем не входило.

– Я сейчас позвоню охране, тут есть звонок на двери, – вовремя обнаружив спасительную кнопку, я едва не подпрыгиваю на месте: вот он – мой шанс на спасение.

– Точно? – её голос выдаёт сомнение.

– Да! Прости, что потревожила.

– Ты пиши, если что.

– Спасибо! – благодарю от души и уже нажимаю на звонок, замечая, как в мою сторону направляется тёмная фигура в фирменном костюме.

Швейцару (или кем здесь работает этот мужчина?) я объясняю свою ситуацию, но он лишь сочувственно качает головой.

– К сожалению, это вход лишь для тех, у кого есть ключ. Вам следует обратиться на Центральную проходную.

Обхожу здание, оказываюсь, наконец, в тёплом холле, но девушка-администратор, к которой я обращаюсь, с вежливой холодностью просит паспорт, а когда я говорю, что его нет – он в чемодане, а чемодан в номере, – качает головой:

– Есть кто-то ещё из участников, к кому Вы можете обратиться?

– Зачем?

– Чтобы они подтвердили Вашу личность.

– А мы не можем просто подняться, открыть дверь, и я сама покажу Вам свой паспорт?!

– К сожалению, мы не имеем права открывать чужие номера.

– А как же уборка номера?

– Это для персонала, и то по просьбе клиента.

– И что мне делать? – уже в отчаянии тяну я.

– У вас есть номер кого-нибудь из участников?

– Да, но они ещё в клубе! У нас сегодня вечеринка.

Она смотрит на меня с сомнением и сочувствием, и я буквально считываю её мысли: пока съёмочная группа на вечеринке, фанатка хочет пробраться в один из номеров и получить себе что-нибудь на память.

– Наберите тогда просто в поиске: «Мария Платонова, «Лаборатория чувств», и вы увидите, что это я, – предпринимаю ещё одну попытку воздействовать на неё, но девушка безжалостна. Видимо, персонал получил жёсткие инструкции по охране нашей безопасности. Или безопасности всех постояльцев.

В отчаянии взмахиваю руками и отхожу в сторону. Плюхаюсь в глубокое мягкое кресло, не особенно заботясь о том, как выгляжу сейчас со стороны, и думаю, чем помочь себе.

Ужасно хочется спать, но я хотя бы в тепле – это радует. Когда приедут другие участники – неизвестно, а беспокоить Таню снова не хочется.

Делаю ещё одну попытку дозвониться до Олеси, но безрезультатно. И зачем нам вообще этот менеджер? Чтобы глазки строить моему партнёру?

«Ладно, не злись», – пытаюсь убедить себя и замечаю пристальный взгляд охранника. Недобрый такой, подозрительный.

Интересно, сколько у меня есть времени перед тем, как меня окончательно выдворят с территории?

Выбора не остаётся, и я набираю Антона. Наступаю, можно сказать, на горло собственной песне.

На удивление, он отвечает после второго же гудка.

– Маша? – кажется, тоже не ожидал.

Не думала, что когда-нибудь это скажу, но…

– Мне нужна твоя помощь, – заявляю без предисловий.

Странно, но у него на фоне тишина. Значит, он не в клубе.

В трёх словах, пока парень не успел включить клоуна, объясняю, что случилось, и в какой ситуации я оказалась.

– Хорошо, подожди, – заявляет он и отключается.

Я смотрю удивлённо на свой телефон. Не поняла… Он просто сбросил?

Снова смотрю на охранника. Его взгляд обращается ко мне каждые три секунды. Уверена, сделай я хоть один шаг в сторону вестибюля и лифтов, тут же скрутит меня и вышвырнет вон.

Проходит минута, и я вижу Антона. Он появляется из глубины отеля, смотрит по сторонам, отыскивая меня, а затем подходит ближе и едва заметно машет рукой:

– Пойдём.

Я слепо следую за ним, ни о чём не спрашивая. Мы приближаемся к той же девушке-администратору, и я слышу, как Антон рассказывает ту же историю, что пять минут назад ей рассказала я.

Она смотрит на него и говорит:

– Хорошо.

И оформляет мне дубликат ключа-карты, заявляя, что за потерю нужно будет заплатить.

Антон тут же достаёт телефон, даже не глядя в мою сторону, и расплачивается с его помощью – ох уж эти современные технологии! Я за всем наблюдаю молча. Через минуту всё готово, Антон протягивает мне ключ, и мы идём к лифтам. Я не верю, что всё так просто. Что всё закончилось, и я смогу, наконец, отдохнуть.

Двери просторного лифта, способного вместить, пожалуй, добрый десяток людей, закрываются, и мы оказываемся наедине. Пару секунд я слежу за тем, как табло отсчитывает этажи. Нам на двадцать четвёртый, но едем мы быстро.

– Спасибо, – говорю наконец, поднимая на него взгляд.

Это так тяжело… Я боюсь, что этот его благородный поступок снова вернёт меня в те чувства, когда внутри от одного только взгляда на этого парня всё замирает.

– Пожалуйста, – говорит он, улыбаясь лишь краешком губ.

А затем мы выходим.

Он прикладывает свою карту, открывает передо мной дверь в коридор с номерами. Мы идём в одну сторону, я слышу его шаги за спиной и чувствую невыносимое желание повернуться и просто обнять. Но знаю, что ни за что не сделаю этого.

– Мой номер, – произношу с облегчением, заметив нужные цифры.

Мы останавливаемся у двери.

– А ты в каком? – интересуюсь из вежливости, но он трактует это по-своему.

– Хочешь зайти?

– Дурак.

– Номер 2419 – через одну дверь от тебя.

Не давая закончить ему, потому что он наверняка уже приготовил очередную саркастическую речь по поводу моего любопытства, первой выпаливаю то, что приходит в голову:

– Я звонила Олесе, но она не ответила. А говорили, менеджер будет на связи круглосуточно и «решит все ваши проблемы», – хмыкаю многозначительно.

Не знаю точно, зачем говорю об этом. Чтобы объяснить, почему обратилась за помощью именно к нему? Или чтобы понять, как он оказался здесь раньше меня вместо того, чтобы развлекаться с другими девчонками?

Он усмехается, и мне на миг кажется, что он разгадал мои мысли.

– Скорее всего, ей сейчас не до нас. Она осталась в клубе, там веселье в самом разгаре.

– Почему тогда ты здесь?

Он смотрит на меня и молчит.

Поднимаю бровь, ожидая ответа и не отступая. Нет, Гранников, я тоже умею своего добиваться.

– Чтобы спасти тебя, вероятно, – всё равно уходит он от ответа.

– Очень благородно, – закатываю глаза и прикладываю магнитный ключ к двери, собираясь завершать вечер.

Но в последний момент всё же оглядываюсь и говорю от души:

– Спасибо. Правда. Я бы на твоём месте вряд ли так поступила.

Он усмехается, и когда я уже захожу в номер, слышу:

– Просто знай… – и оборачиваюсь. Он смотрит на меня вполне серьёзно и продолжает: – Что ты мне очень дорога.

И уходит, не дожидаясь ответа, засунув руки в карманы джинсов.

Кажется, он не привык признаваться в чувствах.

А я, кажется, не смогу теперь спать, получив новую порцию противоречивых мыслей и целый клубок сомнений и страхов.

Глава 7

Утром мне кажется, что вся эта история с признаниями у двери номера мне просто почудилась. Возможно, под влиянием алкоголя (хотя пила я немного) или стресса. Но окончательно убивает надежду даже не это. У двери номера 2419 – того самого, где ночует Антон – я вижу Олесю. В коралловом платье (неприлично коротком!), с распущенными волосами, с огромными кольцами в ушах (на мой взгляд – вульгарщина) она выходит из номера «подопечного», смеясь, и, едва дверь за её спиной закрывается, видит меня.

– О! Я как раз хотела и тебя проведать. Как самочувствие?

– Прекрасно, – выдавливаю сквозь зубы, стараясь, чтобы это звучало не слишком агрессивно.

Ну какая мне разница, кто там с Антоном в номере?

С другой стороны, это просто отвратительная подлость: признаваться в любви одной и тут же мчаться к другой.

Хотя… Стойте, стойте, она ведь вчера не отвечала на звонки, а он был в отеле… Может быть, они *уже* были вместе, в одном номере, в тот момент, когда я маялась в холле?

Эта мысль меня оглушает. А Олеся, словно прочитав мои мысли, окончательно добивает «соперницу»:

– Антон сказал, у тебя вчера украли деньги и ключ. Извини, я оставила телефон в сумочке и… – пожимает плечами настолько невинно, словно это не она, а я виновата. – В общем, всё же хорошо решилось?

Оставить её победительницей я не могу, поэтому хладнокровно заявляю:

– Да, обошлось. Но, чтобы в следующий раз мне не пришлось в панике искать того, кто поможет, хотя эту работу должен делать наш менеджер, я намерена сообщить руководству. Может быть, нам подберут кого-то более ответственного.

И, покачивая бёдрами, ощущая себя триумфатором, покидаю поле боя, чувствуя её растерянный взгляд в спину.

Сообщать или нет – я ещё не решила. Да и что это изменит? Не она, так другая, и вряд ли лучше.

Вчера нам объявили о том, что сбор в 10 часов в зале переговоров на первом этаже. Я показываю свой бейдж и меня пропускают. Надо же, здесь охрана – я и не думала, что всё так серьёзно.

Несмотря на то, что я прихожу на пять минут раньше назначенного времени, здесь уже собрались все участники и их менеджеры, кроме Антона и нашей Олеси. Она появляется после меня, он – ровно в десять. Бросает на меня короткий взгляд, кивает в знак приветствия и занимает свободное место по другую сторону овального стола. Главный администратор – светловолосая ухоженная женщина лет сорока пяти, которая будет нас сопровождать – объявляет распорядок дня. Прямо сейчас идём на завтрак, после чего перемещаемся в Тверь, где проведут небольшую экскурсию по городу и снимут это для первого выпуска пятничного шоу. Затем – встреча с поклонниками, после чего отправляемся в следующий город. К полуночи должны быть там, нас уже ждут.

Егор смеётся и заявляет, что никогда не был в лагере, и уж точно не думал оказаться в нём, будучи взрослым мужчиной.

– Это не лагерь, это тюрьма, – фыркает его партнёрша Эля.

И я с ней согласна, учитывая, насколько «добровольным» было решение большинства из нас включиться в эту авантюру.

Кормят, однако, вкусно. Нас принимает милое кафе, обслуживают быстро и качественно, вид из окна открывается невероятно милый – на набережную, а мягкая фоновая музыка, свет-

лые удобные диваны с подушками и плетёные лампы над столами – всё создаёт обстановку уюта и гармонии.

Что удивительно, ребята даже на завтрак заказывают шашлык, в то время как в меня, например, едва влезает несколько сырников с джемом и кофе. Да и другие девчонки отделываются салатами.

Пока мы едем в автобусе, я слушаю музыку и чувствую, как внутри копится желание высказать мысли словами. Дорога и музыка всегда действуют на меня благотворно – я успокаиваюсь, мысленно проговариваю непонятные для себя вещи, прихожу в благостное настроение, а иногда пишу в телефоне заметки, коих уже накопилось немало. И, может быть, стоило бы взяться за написание романа. Или сценария. Кстати, в старших классах школы я мечтала ещё и о том, что буду не только играть в кино или на сцене, но и писать сценарии. И, разумеется, сама же исполнять главные роли. Утопия, конечно. Но что, если попробовать сделать это сейчас? Раз уж с актёрской профессией вышел такой казус.

Я сижу рядом с Ксюшей, и это ничуть не мешает. Она сперва тоже слушает музыку, а потом засыпает. Парой разместились лишь Петя и Таня, остальные – по дружбе или, как в моём случае – как придётся.

Антон сидит «на камчатке» с Гурамом. Сначала я слышу его голос и смех, но, прибавив в наушниках музыку, смогла избавиться от этого звука.

Экскурсия по Твери длится около двух часов. Мне нравится центр города, набережная. Я жалею, что не успеваю заскочить в дом поэзии, который возглавлял мой любимый поэт Андрей Дементьев. При этом у моих «коллег» прогулка по городу не вызывает столь ярких эмоций, и я злюсь на их лень и примитивность мышления, из-за которых нам могут попросту не устраивать больше экскурсий в других городах.

А вот на еду в кафе после все набрасываются так, будто не ели полгода. Не люди, а звери какие-то, честное слово.

Я всё это время так и хожу с Ксюшей, хотя у нас мало общего, но, по крайней мере, это лучше, чем в одиночестве, и мы порой фотографируем друг друга. В кафе садимся вчетвером – с Петей и Таней. Обстановка становится лучше, однако расслабиться и поболтать нам не дают, предупреждая, что на поздний обед есть двадцать минут, а после нужно ехать на площадку к поклонникам.

Встреча в семь, мы приезжаем за час, за девочек тут же берутся гримёры, которые и наряжают, и красят, и волосы плойкой накручивают – всё делает один человек, прикреплённый на вечер к каждой из нас.

– Девочки, вы не поверите, – произносит Ксюша, которая сидит от меня через кресло. Она сегодня ни на шутку разговорилась и сыплет историями и новостями словно из пулемёта, пока нам наводят красоту: мне рисуют стрелки, а ей – укладывают локоны. – Я только что посмотрела на сайте. Угадайте, сколько стоят билеты на встречу с нами?

Мы вразнобой выдаём несколько цифр, приближенных к тому, сколько стоит билет на концерт отечественной звезды.

– Тут от города ещё зависит, но разница, в принципе, небольшая, – сообщает Ксюша и выдаёт цифры «от и до», на которые может претендовать очень хороший артист. – А ещё есть пакет «вип» – для тех, кто хочет личную встречу с любой парой. В три раза дороже.

– Жесть какая, – выдыхает Эля.

– А ты думала, откуда твои гонорары складываются? – хмыкает Ясинецкая. – Прибавь работу обслуживающего персонала, аренду площадки, зарплату организаторов, менеджеров…

Удивительно, но мы все общаемся сейчас словно партнёры и даже подруги, без малейшего духа соперничества. Может быть, потому, что делить уже нечего и теперь мы все в одной лодке, где не нужно решать, кого выбросить за борт, чтобы выжить самому.

Без пятнадцати семь нас выпускают, и за кулисами мы видим ребят – они одеты просто, но элегантно: Гурам в жилете поверх пестрой рубашки, остальные – просто в рубашках разных мастей, с закатанными рукавами, в брюках или джинсах.

Девчонки в платьях и юбках, но разных. Ясинецкая – в маленьком чёрном платье, которое очень идёт ей, это нельзя не заметить. Ксюша – в светло-зелёном, до колен, с расклешённой юбкой и на больших каблуках, которые подчёркивают стройность ног. Эля, хоть и продолжает сопротивляться женственным образам, вынуждена надеть бежевую блузку и юбку-карандаш. У Тани платье из серебристой ткани, а мне досталось полупрозрачное. Нет, всё что надо, конечно, прикрыто, но я бы никогда не решилась надеть это в своей обычной жизни. Хоть и смотрится здорово, но сразу бросается в глаза, привлекая внимание.

Я ловлю на себе взгляд Антона, когда нас выстраивают (как в школе!) парами за кулисами. Из зала слышится шум, так и подмывает подсмотреть, сколько народу пришло на нас поглазеть.

– Отлично выглядишь, – бросает он словно между дел, чуть наклоняясь ко мне.

– Спасибо, – машинально отвечаю я, глядя прямо перед собой.

Слишком волнительно. Вот бы взял меня за руку…

Но рассчитывать на это глупо. Мы же не пара – просто участники телепроекта, которые разошлись, сказав «нет» в последней серии.

Мимо пробегает девочка лет пяти – чья-то дочь из административного состава местного концертного зала, я её уже видела, когда мы только пришли сюда. Однако теперь мы, девчонки, нарядные, и она застывает, чтобы оценить наши образы. И тут же видит меня:

– У-у-у, – тянет с восхищением и удивлением, сразу задавая тон вечеру.

– Это когда ещё матов не знаешь, – приглушённым голосом сообщает Антон, и я пихаю его в бок, заставляя замолчать и не ёрничать.

Тут объявляют наш выход, и девочку отводят в сторону, пока мы, слыша свои имена, по очереди, парами, выходим на сцену.

Здесь нас ждут стулья, расставленные полукругом. Много софитов, под которыми быстро становится душно, и я даже рада, что на нас довольно лёгкие наряды, которые позволяют дышать.

Рядом с каждым стулом – бутылка воды. А зрителей столько, что, кажется, нет ни одного свободного места. Когда глаза привыкают к свету, я всё же вижу несколько пустых кресел в первых рядах, и это почему-то меня успокаивает. В основном здесь девчонки. Много подростков и наших ровесников.

Я не понимаю, как это всё будет происходить, но с нами профессиональные ведущие – Кирилл и Ольга, которые знают, что делать. Сперва они задают нам вопросы, наталкивают на воспоминания, которыми мы делимся. Смотрим несколько видео, которые не попали в первый сезон телепроекта, потом зрителям дают возможность передать записки с вопросами, и тут начинается самое интересное. Кого-то интересует, везде ли были камеры. Кто-то спрашивает, как изменилась наша жизнь после. Один вопрос адресован и нам с Антоном.

– В какой момент вы приняли окончательное решение перед финальной серией проекта? – озвучивает Кирилл. – Я так понимаю, речь идёт о решении, быть ли парой или расстаться.

На пару секунд воцаряется тишина, а после Антон поворачивается ко мне, явно давая понять, кому из нас отвечать.

Я беру протянутый микрофон и, стараясь обдумывать каждое слово, прежде чем произнести, говорю:

– Я сомневалась до самого конца. Не знаю, что тут можно ещё добавить.

– То есть сомнения живут в тебе до сих пор? – подталкивает к новому поводу для сплетен Кирилл.

– Такой уж я человек, – смеюсь, решая добавить остроты.

В зале слышится одобрительный гул.

– Антон, ты что скажешь? – предлагает ведущий высказаться и моему напарнику.

– Я не помню точный момент, когда принял решение. Но почувствовал, что оно есть, где-то за пару недель до финала.

– Ого! Кстати, мы не услышали твой ответ, поскольку первой отвечала Мария. Можешь сказать нам сейчас?

– Пусть это останется тайной.

– Настанет ли время, когда мы узнаем этот секрет?

– Возможно.

– Что ж, будем ждать, – довольный созданной интригой протягивает Кирилл и вновь обращается к публике. – Наше шоу не заканчивается. Впереди несколько месяцев гастролей, поэтому не забывайте по пятницам в привычное время включать телевизор, увидите там и себя. Давайте-ка сейчас дружно помашем в камеру, вот сюда. Отлично! И спасибо за то, что пришли!

– Пусть в вашей жизни любовь будет яркой! – добавляет Ольга.

А нам уже машут из-за кулис, заставляя подняться и уйти прежде, чем поклонники ринутся наперерез. Но не тут-то было. Они пытаются передать цветы и подарки, и ребята, конечно же, нарушают инструкцию, которую мы получили по дороге на площадку – спешат навстречу, свешиваются со сцены, забирают подарки, дают автографы и даже позволяют сделать селфи.

Девчонки более осторожны – все до одной уходим по первому требованию административного персонала. Однако в открытую дверь гримёрки через пару минут приходят ребята, вручая нам собранные цветы и игрушки.

А мне Антон протягивает сложенный в трубочку ватман.

– Что это? – я даже боюсь протянуть руку.

– На взрывчатое вещество не похоже, бери, – в своей любимой манере говорит он.

Я забираю и тут же разворачиваю. Он обходит меня, чтобы тоже взглянуть.

– Сама клеила? – уважительно тянет он. – Молодец девчонка.

У меня даже речь отнимается, настолько это неожиданно. Очень много наших фотографий из разных газет и журналов сложились в красивый коллаж.

– Повесь на стену, когда вернёмся домой, – смеётся Миллионер, заметив подарок.

– Не завидуй, – поддевает его Антон.

– А почему мне? – спрашиваю у него.

– Сказала тебе передать. Видимо, чтобы у тебя совесть взыграла.

– Очень смешно, – не нахожусь сразу я с оригинальным ответом.

– Можешь выбросить, – тут же предлагает другой вариант.

– Я подумаю, – заявляю, скручивая ватман трубочкой, хотя точно знаю, что никогда так не поступлю.

Мы выставляем ребят за дверь, вдыхаем запах свежих цветов, переодеваемся и через один из запасных выходов, где фанаток не так уж много, пробираемся к автобусу, который сразу же везёт нас в другой город.

К полуночи, строго по расписанию, оказываемся в гостинице, и, едва умывшись и надев удобную пижаму, я падаю в кровать и засыпаю ещё до того, как моя соседка по номеру Таня, с которой мы сегодня по старой привычке делим одну комнату, выйдет из ванной.

Глава 8

Просыпаемся мы с Таней почти синхронно. Нам дали время до десяти, но сна нет уже в половину девятого. Немного покрутившись с боку на бок, я решаю зайти в соцсети. В последнее время бываю здесь очень редко (ещё и потому, что на проекте мы были без связи с миром – уже привычка) и почти ничего не выкладываю, а теперь, когда на наши головы свалилась популярность, такого желания нет и подавно. Число подписчиков увеличилось в сотни раз, хотя последняя публикация датируется прошлым годом. И на что они надеются? На общие фото с Антоном? Тайные признания? Мне есть, куда вложить свои чувства – я урывками вчера и сегодня создаю сценарий, который, вероятнее всего, никогда не увидит свет и не будет воплощён в жизнь, но выплеснуть чувства – тоже неплохо. И этот способ – самый безобидный и даже полезный.

Однако даже от мысли о том, что мои предыдущие фото, которые вовсе не предназначались для столь широкой аудитории, уже рассмотрели и обсудили все, кому не лень, становится странно и страшно. Вот почему всегда стоит думать о том, что ты выкладываешь. Попавшее в Интернет однажды уже остаётся в общем доступе навеки.

В социальных сетях на мой аккаунт куча отметок – я вижу фото вчерашнего вечера встречи с поклонниками в Твери, общие коллажи наших фото с Антоном, даже рисунки. И почему людей так тянет создавать себе кумиров? Ведь мы все – обычные люди, в чём-то талантливы, в чём-то бездарны, обладаем набором хороших и плохих качеств, но всё равно наделяемся идеальными образами для тех, кто выбрал нас в качестве «объекта». Я страдала таким фанатизмом во времена школьных лет. Часто выбирала парней симпатичных, харизматичных, но слишком далёких. Даже до того, как сойдёт хмель влюблённости, я понимала, что мне никогда не быть рядом с ним. Хотя бы потому, что парни обычно влюбляются сразу, а если этого не произошло – шансы зацепить его очень малы, как не старайся. Ты можешь быть отличным другом, жилеткой для переживаний, пристанищем для временных утех, но никак не единственной – той, от кого сносит голову и хочется быть вместе вечно. Просто не его типаж. Иногда с этим надо смириться, пережить, пойти дальше, а не мучить себя иллюзиями. У девушек всё по-другому: мы можем видеть в мужчине друга, просто хорошего человека, иногда даже и недолюбливать, а потом он раскроется нам иначе, что-то щёлкнет в груди, и тогда любовь в нашем сердце будет даже крепче, чем если бы она случилась с первого взгляда. Поэтому нам так сложно смириться с тем, что с мужчиной такого не происходит. Сразу или никогда.

Конечно, как и в любом правиле, бывают исключения. На моей памяти, среди знакомых, их два. В первом случае они много лет лишь дружили, потом поженились, но оказалось, что он был давно влюблён в неё, просто скрывал своё чувство, чтобы не оттолкнуть, до тех пор, пока не почувствовал ответную реакцию. Это мои тётя с дядей. Восемнадцать лет вместе. В общем-то, если разобраться, то на исключение это даже не тянет, поскольку он-то на самом деле влюбился сразу.

Вторая история произошла с одной из одноклассниц. Ух, как она добивалась расположения парня, который был вместе с нами в одном классе. Сколько их помню, класса с восьмого, она была его опекуном. И на танец на выпускном сама пригласила, и булочками подкармливала. Он вроде как всю эту опеку принимал, иногда отвергал, если не было настроения или ребята над ним начинали подшучивать, но отношений как таковых у них никогда не было. В институте продолжилось – они учились в одном здании, но на разных факультетах. Наши дороги разошлись, на вечера встреч я не ходила, зная, что там собираются человек десять из тех, кто был особенно дружен в школьные годы. И каково же было моё удивление, когда из тех же соцсетей вдруг узнала, что они поженились. Делать выводы ещё рано, они вместе в качестве мужа

и жены лишь один год, но своей цели она всё же добилась. Правда, тут тоже можно списать на то, что парень – ведомый, а она – явный лидер, поэтому они дополняют друг друга.

Мониторинг социальных сетей отнял у меня слишком много времени, поэтому на работу со сценарием осталось около двадцати минут. Я набросала пару сцен в общих чертах, а после начала собираться на завтрак. Чемоданы мы, в общем-то, и не распаковывали, так что долго возиться не пришлось. Душ, лёгкий макияж, собрать в хвост пряди у лица, чтобы не мешали – и готово.

Мы относим чемоданы в автобус и в холле, встретив ребят, все вместе отправляемся завтракать в кафе за углом, куда нас сопровождает главный администратор.

Антон занят беседой с нашим менеджером Олесей, поэтому мы даже не здороваемся, однако, когда я, расплатившись за еду, сажусь за свободный столик, вижу, как рядом со мной на стол опускается ещё один поднос с едой.

– Ну, здравствуй! Как дела?

Взглянула на него снизу вверх. И почему те, в кого влюбляться нельзя, всегда так притягательно выглядят? Тёмно-синяя рубашка с мелкими белыми цветами проглядывает из-под пиджака, тёмные брюки.

– Хорошо, – отвечаю коротко и принимаюсь за еду, давая понять, что разговор окончен.

Он открывает пакетик с сахаром и, заметив, что у меня тоже кофе, шутливо напевает:

– Sugar[2]?

Сердце слабо заныло, припоминая, как он утешал меня фразой из популярной песни Maroon 5. Тогда мы использовали это слово в переносном значении, мол, а не подсластить ли жизнь? Но сейчас она тоже уместна, и мне бы стоило ответить «Yes, please[3]», как поётся дальше, тем более что кофе я, действительно, люблю с сахаром. Но вместо этого включаю режим буки и заявляю:

– Я сама.

– Ох уж этот феминизм, – качает головой мой партнёр и высыпает содержимое трёх пакетиков в свой стакан. – Цветёт буйным цветом.

– Не слишком много глюкозы? – не могу удержаться от едкого комментария.

– Нормально, – машет он рукой и делает глоток. – Как настроение?

– Прекрасно, – заявляю без всякого энтузиазма.

– А врать ты так и не научилась.

– А ты так и не научился вежливости.

– Откуда же ей взяться? – просто пожимает плечами, как будто и не задевают его вовсе мои слова.

– Вот и я! – триумфально заявляет в этот момент Олеся, бесцеремонно вторгаясь в наше пространство и плюхаясь рядом с Антоном. – Ну как вы?

Её поднос полон вредной еды, так что даже не верится, как это всё в ней поместится – раз, а во-вторых, как ей удаётся оставаться такой хрупкой при подобном рационе питания.

Свои комментарии я, разумеется, держу при себе, и даже мысленно радуюсь тому, что теперь от меня отстанут и Антон переключит внимание на более активную собеседницу, но Олеся пытается втянуть в беседу и меня.

– А ты всегда такая неразговорчивая или случилось что-то?

– Когда я ем, я глух и нем, – отвечает вместо меня Антон, поглядывая с азартом и прекрасно отдавая себе отчёт в том, что злит меня этим сильнее.

– Всё ещё обижаешься? Ну прости, – кажется, вполне искренне заявляет Олеся.

---

[2] Сахара? (англ.)

[3] Да, пожалуй (англ.)

Может, она права, и я впрямь веду себя недостойно? Ещё упрекаю в невежливости Антона. Ну не сложилось у нас – так можно хотя бы нормально общаться. И не ревновать его ко всем попало. Сложится у них – и хорошо. Правда, пока не похоже, чтобы он испытывал к ней какую-то особую симпатию. Любезен и обходителен не больше, чем с остальными.

– У нас сейчас съёмка, – заявляет Олеся.

– Для «дневников»? – уточняет Антон.

Девушка отрицательно качает головой, дожёвывает кусок сэндвича и поясняет:

– Для местного телеканала. Хорошо хоть не прямой эфир, а запись. У них там какое-то развлекательное шоу выходит с гостями. Наш проект для них – лакомый кусочек.

Не сказать, что идея переполняет меня энтузиазмом, но это новое приключение, ещё одна сторона неизвестного мне мира, в который я с удовольствием хочу заглянуть. Интересно, отличается ли местное телевидение от столичного?

Все пять пар студия вместить не может, поэтому приглашают лишь три: нас с Антоном, Таню и Петю, Егора и Элю. Интересно, как Ясинецкая отреагировала на то, что осталась без внимания?

Мы снимаем одним дублем, неудачные кадры и реплики нам обещают вырезать. Пара ведущих – муж и жена – пытаются шутить, но не всегда выходит смешно, хотя все мы вежливо улыбаемся.

Минут десять нам задают вопросы, порой на грани остроты, в духе: «А были ли у кого-нибудь интимные отношения на проекте?» Правда, мальчишки галантно ограждают нас от необходимости отвечать, рикошетом остроумия отбивая эти удары.

Наконец нам предлагают игру. Раздают таблички: в правую руку – «Я», в левую – «Не я». Вопросы нам задают в духе: «Кто из вас самый ответственный/любвеобильный/красивый…» и прочее.

Когда Антон несколько раз подряд поднимает «Я», ведущий не может сдержаться:

– Антон, ты не перепутал? У тебя в другой руке есть ещё одна карточка, если что.

– Я в курсе, – совершенно спокойно отвечает он.

– И ты по-прежнему считаешь, что влюблён больше?

– Ну, это же не я сказал «нет» на свадьбе. К тому же Маша со мной солидарна.

Я перед тем, как ответить на этот вопрос, долго сомневаюсь, но в итоге поднимаю «Не я». Это же не значит, что он. Это вполне может означать, что никто из нас не любит по-настоящему.

– Ну и самый важный для меня вопрос, – продолжает ведущий. – Кто одолжит мне пару тысяч до лучших времён?

Тут мы почти синхронны, только Миллионер поднимает «Я», и ведущий от охватившей его благодарности даже целует его в макушку.

– На этом заканчиваем. Пойдём производить расчёты, пока он не передумал, – заявляет в камеру и машет рукой, после чего мы слышим команду «снято».

Времени на экскурсию сегодня нет – из студии сразу перемещаемся в кафе на обед, а оттуда – на площадку, где нас будут ждать поклонники.

От столь плотного графика быстро накапливается усталость. Можно пережить так неделю или две, но три месяца?! Я пока ощущаю её лишь перед сном – когда падаю без сил на подушку, но вполне могу предсказать, что будет дальше. Впрочем, пока задумываться об этом рано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.